

И. М. АНДРЕЕВ

**Владимир Соловьев — мистик
в свете православия**

(К 50-летию со дня смерти)

Наука есть метод. Еще в большей степени религия есть метод. В зависимости от различия метода отношения к идее Бога религиозная проблема может разрешаться весьма различно (атеизм, пантеизм, деизм, теизм).

Из генетических религий совершеннейший метод представляет собою христианство. Современнейшим методом христианства является православие. Но что собой представляет метод православия? Как показывает самое слово «православие» — это есть прежде всего правильное славословие Бога. Ведь Бога можно и понимать, и служить Ему, и жить Им и в Нем — различно. Боязнь неправильного, ошибочного или недостаточного понимания Бога и служения Ему — вот основная забота православия.

Молитва есть основа общения с Богом. Но существует иерархия ценностей самих молитв. Молитвы могут быть просительные, благодарственные, покаянные и славословящие. Высшая, ценнейшая, угоднейшая молитва — славословие. Православие это и утверждает. Совершенное славословие Бога, по существу, есть синтез всех религиозных состояний. В нем и самоотвержение любви к Богу, — основы основ Богообщения, — и благодарность надежды, и умиление веры, и страх Господень, и чистейшая радость радуги слез искреннего покаяния и все остальные бездымные и чистейшие духовные чувства преображенной и устремленной горе души человека. Истинное славословие не может быть со страстью или в экстазе (это только в католическом опыте допускается); по православному методу, славословие должно быть бесстрастно и безвидно. Вот почему такое огромное

значение в духовной жизни православный метод придает постоянному трезвению. Если в католическом методе высшая добродетель есть послушание, то в православном методе высшая добродетель есть рассуждение.

Ошибки славословия могут корениться в рациональной или иррациональной сфере человека. Рациональные ошибки носят название «мнения», а иррациональные (преимущественно в области чувств, когда душевное переживание принимается за духовное) называется «прелестью». Православный метод представляет собою чрезвычайно тонко и глубоко разработанное учение о мнении и прелести. Истину, полученную в Откровении от Самого Христа и огражденную от искажений догматическими определениями семи Вселенских Соборов, православный метод научает ценить превыше всего и охранять паче всего. Высшим авторитетом в вопросах вероучения и нравоучения православная Церковь считает согласный соборный двухтысячелетний религиозный опыт святых. Отсюда — принципиальный и неколебимый консерватизм православия.

Цель жизни православного христианина — спасение. Смысл жизни — «стяжание Св. Духа», без чего невозможно спасение. Путь спасения в православной Церкви уже имеется. На протяжении двух тысячелетий этот путь дал сонм святых, по стопам которых и следует идти, чтобы спастись. Поэтому не надо никакого иного, другого, нового, более широкого или более удобного, или более разумного, или более светлого пути. Не надо более ясного понимания того, что нарочито, до времени, не открыто Самим Спасителем. Не надо более умного, или более оригинального, или более утонченного, или более изощренного человеческим умом понимания догматов, чем они открыты Богодухновенными Соборами. Ибо таково изволение Св. Духа, о чем свидетельствуют, согласно и соборно, все святые. Не надо никаких новых, более прямых или более окружных, путей и перепутий, кроме пути православных святых! Не надо никаких «возрождений» христианства, никакого «нового религиозного самосознания», ибо православное христианство никогда не умирало и умереть не может и никакого «нового» религиозного самосознания, ведущего ко спасению — нет! Не надо никаких реформ и обновления (обновленчества) и насильственного «развития» в Церкви, которая создана совершенной в своем органическом росте. Не следует насильно разворачивать лепестки бутонов, которые сами распускаются с благоуханием роз теплом и светом Божественного солнца Благодати. Эти благодатно распускающиеся цветы — святые, которые своим появлением сви-

детельствуют, что православная Церковь благодатна до наших дней.

Микроскопы и телескопы законны на земле, ибо только содействуют увеличению Славы Божией. Но никаких «духовных» микроскопов и телескопов для изучения самой природы Божественной Любви, Благодати, Премудрости (Софии) — быть не может. Дух дышит, где хочет, и только чистые сердцем узрят Бога. Богословствование имеет пределы, за которыми оно переходит в бесстрастное созерцание истины безвидным умом, возможное только, как дар свыше. Молчание — таинство будущего века, а потому да молчит всякая плоть перед лицом Тайны Господней. Ничего своего, ничего от себя, ибо Спаситель Сам сказал: «Я есмь Путь и истина и жизнь, Никто не приходит к Отцу, как только через Меня; без Меня не можете делать ничего; Всякое растение, которое, не Отец Мой Небесный насадил, искоренится». Православие требует хранить эти слова в сердце и вспоминать их перед каждым деянием своим, особенно же перед богословствованием.

Православная Церковь всегда признавала и будет признавать святых — истинными выразителями христианства и величайшими учителями жизни. Охранительный православный метод проверен 2000-летним путем. Преподобный Серафим Саровский, современник Пушкину, подвизался, уподобляясь подвижникам самой глубокой древности. Он простоял тысячу ночей на камне в столпнической молитве, показал в Фаворском свете преображение человеческого лица и новыми словами подтвердил двухтысячелетнюю истину о том, что смыслом человеческой жизни является «стяжание Св. Духа».

Русское консервативное православное монашество шло и идет по стопам основателей древнего христианского монашества Антония Великого и Пахомия Великого.

«Аскетические опыты» епископа Игнатия Брянчанинова¹, «Путь ко спасению» епископа Феофана Затворника², труды и поучения Оптинских старцев Льва, Амвросия³, «Моя жизнь во Христе» приснопамятного протоиерея Иоанна Кронштадтского⁴, — новыми словами учат нас тому же консервативному, охранительному православному методу, которому учили свв. Отцы и Учители Церкви первых веков христианства. Православная аскетика лежит в основе не только нравственного, но и догматического, и апологетического, и литургического, и вообще всякого православного богословствования. Ибо только «свет Христов просвещает всех», а «мудрость мира сего есть безумие перед Богом». Только «чистые сердцем узрят Бога» и только

«кроткие наследят землю»; только «алчущие и жаждущие правды насытятся» и только изгнанные за правду и гонимые за Христа достойны великих наград в Царствии Небесном. Истинное богословствование есть дар Божий, и только святые могут удостоиться стать истинными Учителями духовной мудрости.

Русская православная Церковь не иссякла благодатью. Кощунственная хула и клевета на Русскую Церковь, будто бы со времени Петра Великого находящуюся в «параличе», — опровергается простыми и ясными знаменами: святыми подвижниками, исповедниками и мучениками XVIII, XIX и XX веков.

«Филаретовское» (как презрительно говорят многие), «лампадное» (по ироническому выражению епископа Иоанна Шаховского⁵), «консервативное», охранительное русское православие сияло и сияет лучезарным светом, которого не видят только духовные слепцы.

Это «консервативное» (т. е. охраняющее Истину) православие борется в настоящее время с разнообразными формами обновленческого православия: Советской церковью, самочинными автокефалиями, пренебрежением к святым Канонам, проповедью единения между истиной и Ложью, широкими потоками экуменического движения, беспредельным расширением понятия о церковной икономии, деятельностью ИМКА⁶, обновленческими принципами нового богословского образования и т. п.

Показать мистический облик и мистическую устремленность гениального мыслителя В. С. Соловьева в свете «консервативного» православия и является задачей настоящей статьи.

В. С. Соловьев родился 16 января 1853 г. в Москве. <...> Таким образом, уже по наследству Вл. Соловьев получил и способность к философии (от Сквороды), и склонность к науке (от отца), и склонность к церковности (от деда) и мистическую озабоченность (от матери). Родился он недоноском и на всю жизнь остался физически слабым и хрупким. Слишком раннее и быстрое умственное развитие, при слабости здоровья, содействовало неуравновешенности и повышенной чувствительности его натуры. Польская католическая кровь матери определила его будущие симпатии к Польше и католичеству.

Раннее детство Соловьева протекало в атмосфере религиозной мистики и романтической поэзии. Вечно занятый отец не был близок духовно ребенку и не имел на него влияния. Влияния были женские: набожной матери и набожной воспитательницы Анны Кузьминичны Колеровой. <...> Слабый, хрупкий, чуткий, нервный и впечатлительный ребенок, с отроческим

живым воображением и рано развившейся фантазией, склонный к мечтательности и замкнутости, жадно впитывал окружающую атмосферу и начинал «сказочничать» сам, перевоплощаясь в образы таинственных подвижников и героев, декламируя волнующие монологи и разыгрывая целые сцены. Под впечатлением аскетических подвигов и «Житий святых», он воображал себя пустынно-аскетом, сбрасывал с себя ночью одеяло и мерз «во славу Божию». Никто не препятствовал ему в этих детских экзальтированно-мистических грезах и никто не замечал тонкого и благоуханного яда, отравлявшего юную душу. Религиозные, эстетические и ранние эротические переживания смешивались в один клубок. Преждевременно развившаяся чувственность, пылкая религиозность и поэтическая мечтательность, переплетаясь между собою, извратили его первый мистический опыт.

Девятилетним мальчиком он «влюбился» в девятилетнюю же девочку. Влюбленность не была взаимной. Это привело к первым эротическим страданиям, ревности к сопернику, к бессонной ночи. Затем, непосредственно после этой первой детской чувственной вьюги, явился первый детский мистический опыт.

В поэме «Три свидания» он сам подробно это описал. <...> Нет никакого сомнения в том, что Соловьев правильно, искренне, правдиво и откровенно описал свой подлинный мистический опыт и его мистическую этиологию⁷. Связь между чувственной взволнованностью («душа кипит в потоке страстных <мук>») и последующим мистическим светлым видением не случайна. Эротика и мистика здесь тесно сплетены. Корни религиозного опыта всей жизни Вл. Соловьева — в этом детском видении. Но эти переживания не православны и не церковны... Это — чистая прелесть.

Православная аскетика требует для всякой молитвы соответствующей подготовки. Нельзя от смеха и игр тотчас переходить к молитве. Нельзя, не успокоившись от чувственных волнений, начинать молиться. «Прелесть» — есть усвоение человеком лжи, принятой за истину; душевного переживания, принятого за духовное состояние.

Святые отцы Православной Церкви воспрещают не только составлять произвольные мечты, но и преклоняться произволением и сочувствием к мечтам и видениям, которые могут возникнуть независимо от нашей воли.

<...> Если «душа кипит в потоке страстных мук» чувственной влюбленности и ревности, то следующее непосредственно

за этим состоянием «видение» не может быть не чем иным, как прелестью.

Понимая, что в основе его светлых видений лежит темная чувственность, Вл. Соловьев впоследствии написал стихотворение, в котором образно и ярко выразил мысль о том, что темное является необходимым корнем светлого.

...Свет из тьмы. Над черной глыбой
 Вознестися не могли бы
 Лики роз твоих,
 Если б в сумрачное лоно
 Не впивался погруженный
 Темный корень их...

Это — поэтическое оправдание прелести, которое само является соблазном. Темная и грубая чувственность может сублимироваться в лучезарную и тончайшую душевную эмоцию, но принимать ее за духовное состояние — есть прелесть. Только в том случае, если корни чувственности уничтожаются и заменяются корнями чистой духовности — можно ожидать появления духовных цветов и духовных плодов.

Духовное развитие ребенка Соловьева шло по ложному пути, а родные и близкие, его окружавшие, не понимали этого, а потому и не могли ему помочь.

После мечтательного, с извращенно-мистическими переживаниями, детства, наступает мятежное, бурное и буйное отрочество с дикими играми и шалостями, наводящими ужас на обывателей. Отроческое воображение Соловьева увлекается романтикой «страха и ужаса», привидениями, призраками, явлениями чудесными, таинственными, сверхъестественными, но одновременно с этим идет и увлечение естествознанием, приводящее позднее к материализму и натуралистической революционной романтике.

В 13 лет Соловьев уже «не верит в мощи», а в 14 лет перестает ходить в церковь. Ранняя юность (с 18 до 19 лет) проходит под знаком яростного атеизма.

По плодам их узнаете их. «Прелесть» детских мечтаний и видений, в которых влюбленность переплеталась с молитвенными экстазами, — несла свои первые плоды. <...> «Жаркие», «пылкие», «пламенные», неумеренно восторженные и экзальтированные молитвы очень часто кончаются выбрасыванием образов. Поэтому-то Православная Церковь, оберегая духовное здоровье, запрещает чрезмерное увлечение молитвами.

Извращенная мистика детства и отрочества превращает Соловьева в юности в типичного нигилиста 60-х годов. Конечно,

этот нигилизм носил чисто религиозный характер. Восторженная вера в Бога превратилась в восторженную веру в социализм и коммунизм. <...>

Студенческие годы Соловьева были кипением мыслей и чувств. Умственная работоспособность и способность к философии — были необычайны. Необычайна была и его влюбчивость. Чувственность Соловьева носила своеобразный характер, — кипело у него не столько сердце, сколько воображение. Несмотря на внешнюю общительность, Соловьев был замкнут, близких друзей не имел, в подлинно-интимных, искренних и откровенных отношениях ни с кем не был. Любил шутки, смех, балагурство, неприличные анекдоты и даже писал нецензурные стихи.

В студенческие же годы Соловьев начал впервые увлекаться спиритизмом и, под влиянием известного спирита А. Н. Аксакова⁸, на некоторое время сам стал «пишущим медиумом». Впоследствии он увлекался оккультизмом и теософией.

В философском развитии юноши Соловьева решающую роль сыграло увлечение философией Спинозы. К Богу Соловьев-атеист вернулся через рационалиста Спинозу. Следующее увлечение было <...> скептицизмом Джона Стюарта Милля, через которого Соловьев окончательно преодолел материализм и начал понимать, что проблема материи не менее сложна, чем проблема духа. Изучая Канта, Соловьев убедился, что знание не противоречит вере и что наука вполне совместима с религией. Но рационализм Канта его не удовлетворяет, и он страстно увлекается Шопенгауэром. Эволюционная теория Дарвина и теория прогресса Спенсера, которыми Соловьев увлекался прежде, через учение Шопенгауэра получают новый религиозный смысл. Идея освобождения мира от зла и страданий путем уничтожения воли к бытию, этот своеобразный религиозно-философский нигилизм шопенгауэровской пессимистической философии, делает Соловьева на некоторое время буддистом, страстно изучающим нирвану и восточные религии. После изучения философии Э. Гартмана, Соловьев постепенно разочаровывается и в нирване, и в пессимистической философии Шопенгауэра, и начинает серьезно изучать немецких идеалистов: Фихте, Шеллинга и Гегеля. Хотя формально как будто Шеллинг завладевает и определяет дальнейший путь молодого мыслителя, но при внимательном рассмотрении можно обнаружить более глубокое влияние Гегеля. Гегелем Соловьев был отравлен на всю жизнь, сам не замечая этого. В позитивизме О. Конта Соловьев видел завершение всей западной философии, отказывающейся от познания сущности бытия.

Опираясь на философию Шеллинга, Соловьев пытается преодолеть позитивизм, и из этой попытки зарождается его магистерская диссертация «Кризис западной философии». Философия становится для Соловьева не предметом отвлеченного изучения, а самой жизнью его мысли. Этим объясняется и философский пафос, и философская эрудиция, и блестящий успех молодого магистра. Еще 19-летним студентом, в 1872 г. Соловьев обретает христианство и становится «пламенно-верующим христианином» (без «пламенности» обойтись ему невозможно). На пути умственного развития Соловьева еще раз оправдываются слова Бэкона о том, что поверхностное знание удаляет от Бога, а углубленное — снова приводит к нему. Все, что мог дать отвлеченный разум, — оказалось несостоятельным. Пройдя через отчаяние духовной пустоты, Соловьев всем существом своим принял слова Христа: Я есмь Путь и истина и жизнь. Вера во Христа спасла его от отчаяния и, может быть, от самоубийства. Но поняв, что Христос есть истина и жизнь, Соловьев недостаточно понял глубинный смысл третьего слова Христа — Я есмь Путь..., т. е. метод религиозной жизни.

И в юношестве Соловьев-христианин снова, как и в детстве, идет по неправильному пути, ведущему к прелести.

В автобиографической повести «На заре туманной юности» имеется жуткая исповедь первого юношеского нравственного падения Соловьева в вагоне поезда. Ровно 10 лет прошло после первого мистического опыта. Теперь он повторяется вновь, но уже не у 9-летнего отрока, а у 19-летнего юноши. Опять чувственное волнение, на этот раз бурная страсть, глубокое эротическое возбуждение, доводящее до изнеможения и обморока, а затем мистический опыт, «откровение Вечной Женственности», «чувство присутствия Бога в человеке».

Несчастный юноша Соловьев! Никто не сказал ему, что за поэтической, благоуханной и лучезарной романтической эротикой скрывается темный и смрадный лик сатаны! Прелесть есть ложь, принятая за истину. Благодатные видения бывают овеяны не люциферанством, а фаворским светом. Блудные помыслы, а не только блудные деяния, препятствуют лицезреть неизреченную пречистую красоту Св. Духа. Только чистые сердцем узрят Бога. Самое высокое эстетическое восприятие «Вечной Женственности» есть лишь утонченное душевное переживание и к духовному опыту, требующему бесстрастия, не имеет отношения.

Соловьев снова пережил состояние прелести.

Неприготовленное сердце препятствует и ясности ума. Только «свет Христов просвещает всех», а «мудрость мира сего — безумие перед Богом». Соловьев имел эту «мудрость мира». Он был гениальный мыслитель и имел честный ум. Особой гордыни у него тоже не было. Горе его было не от ума и не от воли, а от сердца. Сердце его было в плену у прелести. Вот почему он увлекся христианством. Ему не доставало трезвения (стояния с мечом «ума» у входа в сердце) и была недоступна высшая православная добродетель — «рассуждение». Рассуждение не есть функция только ума, хотя бы и гениального. Для рассуждения требуется гармония ума, сердца и воли. Ясного и честного ума, осердеченного чистым сердцем и смиренного волей. Из этой триединой гармонии рождается смиренномудрие и целомудрие, при которых только и возможно истинное рассуждение. Святые мыслят о духовном правильно, ибо мыслят умом Христовым. Чем дальше от святости, тем больше ошибок. Соловьев был далек от святости. Он не знал пути к святости.

«Увлечшись» христианством, Соловьев ставит своей задачей довести осознанную им истину до сознания человечества во всей ее полноте. Для этого, по его мнению, надо было положить конец исторической борьбе между верой и знанием, между религией и наукой. Для этого надо проповедовать христианскую истину во всеоружии современного знания. <...>

Надсоновская восторженность Соловьева мешала ему понять, что вера зависит не столько от согласованности ее с разумом, сколько от согласованности ее со свободной волей. Христианская истина принимается или отвергается не от того, что она доказана или не доказана «во всеоружии современного знания», а от того, хочет или не хочет свободная воля человека ее принять.

Будущее рисуется Соловьеву в то время не в свете горних пророческих Евангельских слов Спасителя (но Сын Человеческий, пришед, найдет ли веру на земле. Лк. 18. 8), а в религиозно-неоправданной экзальтированно-оптимистической вере в преобразование мира в пределах мировой истории, когда «все поймут», вслед за Соловьевым, осознанную им истину.

Извращенное прелестью чувство искажает и мысль. Христианство воспринимается Соловьевым в свете социалистического и позитивистического хилиазма⁹. Соловьев, став христианином, не пришел в Православную Церковь.

Чутко-болезненно относясь к неправде и злу мира, он еще не понимал греха и значения злой воли человека. Он не верил в

черта и вечное зло. В процессе своей работы над диссертацией, он натолкнулся на идею Софии и увлекся ею на всю жизнь.

После защиты диссертации Соловьева избирают доцентом Московского университета и профессором Высших женских курсов (1875 г.) <...>

Одна из слушательниц Соловьева, Е. М. Поливанова, в своих впечатлениях о наружности молодого философа, отмечает в его лице странное сочетание чувственности с одухотворенностью. Это характерно для состояния прелести.

Вскоре Соловьев подает прошение о заграничной командировке в Лондон, чтобы в Британском музее изучить «памятники индийской, гностической и средневековой философии». Перед отъездом за границу Соловьев усиленно занимался спиритизмом, запоем читал теософическую литературу, изучал Сведенборга¹⁰, Сен-Мартена¹¹ и Парацельса¹², ждал нового откровения «Вечной Женственности» и был на грани нервного заболевания. <...>

Это нервное напряжение разрешилось чувственным увлечением. Соловьев влюбился в свою слушательницу Е. М. Поливанову, ту самую, которая отметила у него странное сочетание чувственности с одухотворенностью. <...>

Как обычно, чувственная взволнованность была интродукцией к мистической встрече с «Подругой Вечной», Прекрасной Дамой, Незнакомкой, олицетворяющей Вечную Женственность. «Встречи», как известно, произошли в Лондоне и в Египте.

В Лондоне он занимался спиритизмом¹³, теософией¹⁴, изучал Каббалу¹⁵ и гностиков¹⁶. Вел странную жизнь. <...>

Изучая в Британском музее литературу о Софии-Премудрости Божией, Соловьев стал ждать Ее откровения. Видение явилось в читальном зале Британского музея, где Соловьев большей частью находился один. Он увидел в золотой лазури лицо «Вечной подруги». Пожелав увидеть ее всю, он услышал внутренний голос, повелевший ему быть в Египте.

Отправившись в Египет, в Фиваидской пустыне Соловьев сподобился «третьего» (вернее, четвертого, если считать приключение в поезде) «свидания» с «Подругой Вечной». Эта «встреча» подробно описана в поэме «Три свидания».

Это опять было состояние прелести. Достаточно сопоставить мистический опыт Соловьева с православным опытом преподобного Серафима Саровского (беседа о Св. Духе с Мотовиловым¹⁷), чтобы убедиться в полярности и несовместимости этих опытов.

Извращенный мистический опыт извратил и умственные построения Соловьева. Вся дальнейшая его философская деятельность превратилась в стремление перевести свой мистический опыт на язык метафизических понятий («положительное всеединство») и развернуть его в системах историософии, этики и религиозной метафизики.

Не имея ясного представления о православном аскетическом учении о прелести, Соловьев, однако, чувствовал необходимость оправдать свой религиозно-эротический опыт от обвинений его в грубой чувственности.

В предисловии к сборнику своих стихов Соловьев пишет:

«1. Перенесение плотских, животное-человеческих отношений в область сверхчувственную есть величайшая мерзость.

2. Поклонение женской природе, самой по себе, т. е. началу двусмыслия и безразличия, восприимчивому ко лжи и злу не менее, к истине и добру, — есть величайшее безумие.

3. Ничего общего с этой глупостью и этой мерзостью не имеет истинное почитание вечной женственности, как действительно от века воспринявшей силу Божества, действительно вместившей полноту добра и истины, а чрез них и нетленное сияние красоты».

Перенесение телесных животное-человеческих отношений в область духовную — есть мерзость хлыстовства. Перенесение душевных, хотя бы и тончайших, и филигранных, отношений в область духовную — есть прелесть. Никто не упрекает Соловьева в хлыстовстве (он был слишком душевно-тонок и изящен для такой грубости), но что он находился в прелести, — для православно-аскетического сознания совершенно ясно.

После возвращения из-за границы Соловьев выступает уже как сложившийся философ. Он начинает строить собственную систему гносеологии, метафизики, историософии, этики и эстетики. <...>

К <...> 1877 году относится и его сближение с Ф. М. Достоевским (с которым он познакомился еще в 1873 г.).

В противоположность распространенному мнению о том, что Соловьев был прообразом Алеши Карамазова, Анна Григорьевна Достоевская полагала, что Соловьев скорее был прообразом Ивана. Это мнение проницательной Анны Григорьевны заставляет задуматься глубже над духовным Вл. Соловьева.

Летом 1878 г. Соловьев вместе с Достоевским ездил в Оптину Пустынь и беседовал со старцем Амвросием. Лев Толстой тоже бывал в Оптиной. Но ни Соловьев, ни Достоевский, ни Лев Толстой духовной сокровищницы Оптиной не увидели. В Оптиной

было чистое дыхание Св. Духа. Чтобы ощутить его, надо было иметь чистое сердце, нищету духа, подлинное смирение, или истинное покаяние. О Достоевском старец Амвросий сказал слово, являющееся ключом к пониманию духовного облика гениального писателя. Это слово: «кающийся», т. е. перманентно кающийся и не умеющий, не могущий окончательно покаяться и превратиться в «покаявшегося». О Толстом в Оптиной говорили — «гордец». О Соловьеве такого «одного слова» не было сказано. Но для всякого строго-православного человека это слово ясно: Соловьев был в прелести.

В 1877 г. Соловьев опубликовал «Философские начала цельного знания». Показав несостоятельность эмпиризма и рационализма, он сначала защищает мистицизм, а затем переходит к свободной теософии, которая должна явиться высшим синтезом всех видов философии (эмпиризма, рационализма и мистицизма), теологии и положительной науки. Говоря о системах логики, метафизики и этики, Соловьев прибавляет к ним эпитет «органический» и тем самым ставит новую проблему «органической философии». Синтез религии, философии и науки Соловьеву не удался. Понятие мистического опыта у него было неопределенным и расплывчатым, «всеединство» превращалось в пантеизм, и сам мистицизм становился рационалистическим. Вся проблема «целостного органического мировоззрения» была поставлена неправильно.

<...> Пока существует грех, корень всякого зла, никакой синтез дифференцированного знания не сможет заменить потерянного райского синкретического знания о Боге и мире. Органическая цельность мировоззрения есть недостижимый идеал, степень приближения к которому зависит от степени целомудрия святости, немислимый без стяжания Св. Духа. Соловьев этого не понимал и упорно стремился к построению, непостроимому без помощи свыше, цельного органического мировоззрения.

В 1878 г. в Соляном городке в Петербурге Соловьев прочитал цикл лекций о религии. Лекции носили характер проповеди. <...>

«Чтения о Богочеловечестве» начинались с утверждения, что умственный и нравственный распад современного человечества объясняется ослаблением значения религии в жизни мира. «Старая традиционная форма религии», по мнению Соловьева, «исходит из веры в Бога, но не проводит этой веры. Современная внерелигиозная цивилизация исходит из веры в человека, но и она не проводит своей веры до конца. Последовательно же

проведенные и до конца осуществленные, обе эти веры — вера в Бога и вера в человека — сходятся в единой, полной и всецелой истине Богочеловечества».

«Старая традиционная форма религии», со своим двухтысячелетним соборным опытом святых, благоухает непрекращающимися цветами святости, а потому и ревизии по диалектическому методу Гегеля (тезис — вера в Бога, антитезис — вера в человека, синтез — всецелая истина Богочеловечества) — не подлежит.

По учению Православной Церкви, сформулированному на 4-м (Халкидонском) Вселенском Соборе, Божественное и человеческое естество во Иисусе Христе соединены: 1) неслиянно, т. е. остаются целыми, а не образуют смешанную природу полу-Бога и полу-человека; 2) неизменно, т. е. и Божество сохраняет все свои свойства, и человеческая природа сохраняет все свои человеческие свойства (кроме греха); 3) нераздельно, т. е. не составляют двух обособленных лиц, а единое лицо; 4) неразлучно, т. е. никогда не разлучались и не могут быть разлучены с момента зачатия и пребывают во Христе по вознесении. Иными словами Божеское и истинно-человеческое естества соединены в Богочеловеке ипостасно, т. е. составляют одно лицо. Это соединение не есть общение Бога с человеком, а постоянное, неразрывное единство двух природ. Человеческая природа не имеет во Христе своей собственной Ипостаси, а существует в восприявшей его Ипостаси Бога-Слова.

В свете этого, консервативного, православия «Богочеловечество» Соловьева выявляется, с одной стороны, как расплывчатое и неопределенное понятие, а с другой, как сухая отвлеченная диалектическая формула. Есть Богочеловек-Христос, но нет никакого «Богочеловечества», производного от первого понятия. Если же Богообщение человечества называть «богочеловечеством», то оно не имеет ничего общего с понятием «Богочеловек».

Идеализируя Соловьева, развиваемый им [синтез] в «Чтениях о Богочеловечестве», по диалектическому методу Гегеля, представляет собою странное, неопределенное и противоречивое соединение атомизма Демокрита, идеализма Платона и монадологии Лейбница. Дерзновенная антропоморфическая попытка Соловьева пояснить мистическую сущность Пресвятой Троицы на примере тройственности человеческого духа — самое слабое место в его построениях. Догмат о Пресвятой Троице вовсе не есть «величайшее торжество умозрительной мысли», а представляет собою таинственную Истину Откровения.

6-го апреля 1880 г. (27 лет) Соловьев блестяще защитил докторскую диссертацию по философии в Петербургском университете. Тема — «Критика отвлеченных начал». «Отвлеченные начала» — это «частные идеи, которые будучи отвлекаемы от целого и утверждаемы в своей исключительности, теряют свой истинный характер и повергают мир человеческий в то состояние умственного разлада, в котором он доселе находится». Этим «отвлеченным началам» Соловьев противопоставлял идею «положительного всеединства» в жизни, знании и творчестве. Но в концепции Соловьева сама идея «положительного всеединства» принимает характер отвлеченной идеи, и «великий синтез», который должен преобразить жизнь, реформировать общество и возродить человечество — превращается в живописный букет из цветов-пустоцветов. Главная методическая ошибка Соловьева заключалась в том, что он хотел построить свой «великий синтез» «целостного мировоззрения» без разрешения проблемы свободы воли и без уяснения основ этики.

20 ноября 1880 г. Соловьев прочитал вступительную лекцию в Петербургском университете: «Исторические дела философии». Лекция эта представляла собою блестящую гирлянду аргументов, оправдывающих положение Гегеля: «Все действительное разумно» (хотя эта формулировка и не была Соловьевым упомянута). Все, что недавно казалось Соловьеву отрицательным, теперь принимается как положительное. Все оправдывается и оразумляется. Зло содействует добру. Через Богоборчество человечество идет ко Христу. Мировой процесс рисуется широкой дорогой к Царству Небесному, которое возможно на земле. Христианство изображается не под знаком Апокалипсиса, а в разумных романтических чаяниях хилиазма. Опять восторженность и с нею «прелесть» «мнения».

После убийства императора Александра II (1 марта 1881 г.) в одной из своих публичных лекций, Соловьев высказал мысль, что Помазанник Божий (император Александр III) должен проникнуться христианским началом жалости к безумным злодеям и простить их. Вызванный для объяснения к петербургскому градоначальнику, Соловьев дал письменное объяснение, которое заключалось в утверждении, что «смертная казнь есть дело непростительное и в христианском государстве должна быть отменена». Узнав об этом выступлении, государь император Александр III повелеть соизволил, чтобы Соловьеву, через министра народного просвещения, было сделано внушение за неуместные суждения по поводу преступления 1 марта (царе-

убийства). Соловьев подал прошение об отставке и ушел из университета.

В 1883 г. появилась работа Соловьева «Великий спор и христианская политика». Взгляды Соловьева на Византию (к которой он чувствовал непреодолимую враждебность), на мусульманство (которое, якобы, произошло от «греха» восточного христианства), на «грехи» монашества (из-за аскетизма, не вместившего полноты христианской истины) — представляют собою чисто-произвольное умозрение.

<...> От теократии, через идею о всечеловечестве, Соловьев пришел к идее «соединения Церквей». Эта отвлеченная идея, лишенная живого содержания, постепенно завладевает душой и помышлениями Соловьева и тем самым отводит его все дальше от православия. Здоровая и трезвенная мистика православия, с его глубоким и проникновенным учением о «прелести», с его глубинным пониманием ада и природы сатаны, с его антихилиастическим пониманием Апокалипсиса (по Андрею Кесартскому) и явным осознанием смысла человеческой жизни в «стяжании Св. Духа» (по преподобному Серафиму Саровскому) — была органически чужда Соловьеву. Его душа соблазнялась католичеством, ум же его соблазнялся идеей «соединения Церквей». В своей автобиографии (в 1887 г.) Соловьев пишет, что после прекращения профессорской деятельности он интересуется вопросом о соединении Церквей и о примирении христианства с иудейством. Нравственные мотивы этих интересов были благородны, но диалектический метод спекулирующий абстрактного ума и постоянное пребывание в прелести — мешали ему понять духовную сущность Вселенского православия, которое давно уже разрешило эти проблемы. Простой мысли о том, что православие есть истинная, единая, соборная, апостольская вселенская Церковь, с полнотой Божественной Благодати, от которой откололось католичество, — Соловьев не понимал. Не понимал он и другой простой мысли, что «соединение Церквей» — есть нонсенс, нелепость. Церковь может быть только одна. Церковь есть Тело Христово. Тело Христово одно и едино. Не может быть «соединения Тел Христовых». Или Единой Церкви нет, или она целиком в православии, или — целиком в католичестве.

Глубже всех и раньше всех понял духовную сущность Соловьева — К. Леонтьев. Долго, искренне и проникновенно любивший Соловьева, Леонтьев увидел, как его друг начинает сближать христианство с гуманитарным прогрессом и демократией, — назвал Соловьева «Сатаной». К. Мочульский¹⁸ (в книге

«Вл. Соловьев. Жизнь и учение». Париж, 1936 г.) правильно замечает о Леонтьеве: «Леонтьев первый закричал о том, что путь Соловьева ведет к пропасти, что в его величественном строительстве теократического царства есть какая-то злоеющая ложь. Он первый почувал в деле Соловьева веяние “антихристового” духа. И Соловьев в “Трех разговорах” признал правду Леонтьева, его мрачный пессимизм и апокалиптическое вдохновение. В скрытой трагической борьбе между двумя мыслителями, внешне побежденный Леонтьев в конце вышел победителем». К этим словам К. Мочульского следует внести две поправки. Во-первых, сам Леонтьев свой пессимизм называет не мрачным, а оптимистическим («Христианство есть оптимистический пессимизм»). А во-вторых, — о «внешней победе» Соловьева над Леонтьевым можно спорить.

Если правильный православный путь К. Леонтьева от тьмы к свету, через тернии к звездам, раздражал Соловьева, то, наоборот, неправильный путь неправославного Н. Ф. Федорова — пленяет его. Пленял Соловьева и «жрец чистого искусства», апологет эстетики, враждебный христианству язычник — поэт, эпикуреец — А. А. Фет. Соловьев все прощал ему за его поэтический талант.

А. А. Фет был — воплощенная «прелесть».

Во время опасной для жизни болезни, в мае 1883 г., думая, что он умирает, Соловьев попросил сестру прочитать ему в Евангелии о браке в Кане Галилейской. Слушая чтение, Соловьев крестился и шептал — «Господи спаси! Господи помоги!» А после выздоровления — переводил стихи Петрарки, называя свой перевод «Акафистом».

В 1884 г. Соловьев закончил свою известную работу «Духовные основы жизни». С. М. Соловьев писал о ней: «Эта книга, как чисто православная, считается многими лицами Восточной Церкви пропедевтической, руководством к святоотеческому богословию». Пропедевтическое значение эта статья может, конечно, иногда иметь, как и некоторые рассказы Л. Толстого. Будучи средней ступенькой между истиной и ложью, статья эта одних может приводить, других и отводить от истинной Православной Церкви. «Духовные основы жизни» — не православны, а «выше» «вероисповедных перегородок», со всеми вытекающими из этого соблазнами. Человеку, приходящему к Церкви через «Духовные основы жизни», следует тотчас же по прочтении этой книги начать читать «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться» епископа Феофана Затворника.

В 1884—1889 гг. Соловьев пишет большую работу «История и будущность теократии», для чего прочитывает огромную литературу, включая и греческую, и латинскую патрологию Миня и многих Восточных и Западных Отцов Церкви. Он захвачен идеей «соединения Церквей» и ничем другим заниматься не может. Духовная цензура не пропускает этой книги, и Соловьеву приходится печатать ее за границей, в Загребе.

В 1885 г. Соловьев переписывается с католическим епископом Штроссмайером¹⁹, который «благословляет» его на служение делу «соединения Церквей». Одно из писем Соловьева помечено: «Москва, День непорочного зачатия Пресвятыя Девы, 1885 г.». Итак, чисто католический догмат, отнимающий от православной души родную, по плоти человеческой, Матерь Божию, — духовно принят Соловьевым! «От этого соединения» (Церквей), пишет Соловьев, «зависят судьбы России, славянства и всего мира». Заканчивается письмо следующими словами: «Сердце мое горит от радости при мысли, что я имею такого руководителя, как Вы...» Воздавая должное Римскому Папе и принимая все догматы католической Церкви, Соловьев продолжает считать себя православным! Собственно говоря, то, о чем мечтал Соловьев, было самой обыкновенной унией, только с рядом индивидуальных оговорок. Штроссмайер, переслав папе записку Соловьева об условиях «соединения Церквей», прямо называет эту акцию «св. унией». По мнению Соловьева, хранительницей Вселенской идеи является не православная, а католическая Церковь. Не Запад, а Восток отпал от Вселенского Единства; носитель его — римский первосвященник, прямой преемник апостола Петра. Церковь определяется Соловьевым как всемирная организация церковной жизни.

Победоносцев, честный, верный и убежденный страж ограды православной Церкви, в 1886 г. официально заявил, что всякая деятельность Соловьева вредна для России и православия. Раздраженный Соловьев назвал Победоносцева «лжецерковником», а Каткова (который тоже глубоко понимал Соловьева) — «лжепророком».

Перед Рождеством 1886 г. (33-х лет) Соловьев поселяется на три недели в Троице-Сергиевой лавре и начинает думать... о монашестве!! Опасается только, что ему запретят проповедовать «соединение Церквей».

Вместо монашества, Соловьев после св. Троице-Сергиевой лавры, оказывается у поэта-язычника А. А. Фета. Переводя вместе с ним «Энеиду» Вергилия, Соловьев пишет в письме к Страхову: «Я считаю отца Энея, вместе с настоящим отцом ве-

рующих Авраамом, настоящими родоначальниками христианства...»

В это время у Соловьева происходит разрыв с С. П. Хитрово²⁰. Длительный роман безнадежно кончается. Владимир Соловьев был прежде всего поэт. И вся его философия в каком-то отношении была поэзией понятий. Катарсис и успокоение от мучительных вихрей оккультной и чувственной утонченной эротики он получает, погружаясь в философскую лирику своей поэзии. К этому времени относится его прекрасное стихотворение «Бедный друг! Истомил тебя путь!». Это стихотворение заканчивается словами: «Все кружась исчезает во мгле, неподвижно лишь солнце любви». Но и в этих прекрасных стихах — прелесть, ибо интеллектуальная эстетическая эмоция, вызываемая отвлеченной красотой понятия «любви», очень далека от подлинной христианской любви. Как полезно было бы поучиться Соловьеву о том, что есть истинная христианская любовь — у преподобного Иоанна Лествичника!

Известный аббат Тотте, перешедший из католичества в православие, по поводу одного из докладов Соловьева сказал (в 1887 г.): «Соловьев более католик, чем иезуит Беллармин и сам папа». Принцесса же Сайн-Витгенштейн, в салоне которой (во Франции) Соловьев читал свой доклад (о том, что «русская идея» есть идея «соединения Церквей»), в своих «Воспоминаниях» пишет: «Он (Соловьев) закончил свою речь взволнованным голосом, звучавшим такой верой, что все мы были глубоко тронуты. Я воскликнула: “Вы, действительно, отец Церкви!”».

В статье по поводу 900-летия Крещения Руси (в 1888 г.) Соловьев утверждал, что идею Вселенской Церкви выражает в России не официальная Церковь, а те 12—15 миллионов раскольников, которые считают ее антихристовой!.. Лучшим ответом Соловьеву является молчаливое указание на благодатность «официальной» Церкви, в лоне которой непрестанно распускаются благоуханными дивными цветами православные русские святые!

В январе 1889 г. Соловьев вернулся в Россию, а вскоре после этого в Париже вышла его книга на французском «Россия и Вселенская Церковь». Сущность книги ясна из следующих слов Соловьева: «Как член истинной и досточтимой православной Восточной Греко-Российской Церкви <...> я признаю верховным судьей в деле религии <...> апостола Петра, живущего в своих преемниках...»

С 1891 г. Соловьев редактирует философский отдел в Энциклопедическом Словаре Брокгауза и Эфрона и пишет для него

много обстоятельных статей, лучшими из которых являются огромные статьи-трактаты о Канте и Гегеле.

В 1892 г., на 40-м году своей жизни, Соловьев в последний раз влюбляется. После разрыва с С. П. Хитрово ему казалось, что он уже не способен полюбить. И вдруг — снова чувственная вьюга, вихрь, буря. — Он влюбляется в замужнюю женщину Софию Михайловну Мартынову.

Сказочным чем-то повеяло снова,
Ангел иль демон мне в сердце стучится?

Взаимности не последовало. Любовь Соловьева сменяется презрением. Он мстит возлюбленной саркастически-злыми стихами.

В 1894 г. Соловьев закончил свои статьи под общим названием «Смысл любви». Смысл половой любви, которую Соловьев ценит выше любви материнской и любви-дружбы, заключается не в размножении и не в произведении потомства. Задача любви — «осуществить единство <...> создать истинного человека, как свободное единство мужского и женского начала...» Половая любовь без деторождения, к которому у Соловьева явно высказывается презрение и брезгливость, — есть, с точки зрения православной аскетики, хула на таинство брака. Эротизм в построениях Соловьева переплетается с мистикой. Царство Божие, по его мнению, созидается любящими парами; половая любовь единый доступ к нему. <...> О христианстве и о Церкви Соловьев даже не упоминает. Это, по крайней мере, последовательно. Возвеличивая половую любовь, Соловьев осуждает «внешнее соединение, житейское и в особенности физиологическое?». Семья и деторождение отвергаются им как извращение (!) подлинной любви. Соловьев утверждает эротический аскетизм. Любовь должна победить смерть. Человечество может это сделать только через любовь. «Небесный предмет нашей любви только один, всегда и для всех один и тот же — Вечная Женственность Божия». В основе этих туманных расплывчатых положений лежит, несомненно, учение об Эросе Платона. Но оно осложнено личным опытом мистической эротики и сплетается с учением Бёме²¹ и Баадера²² о Софии, федоровскими идеями «Общего дела» и идеями Сведенборга. Одно ясно: Соловьев продолжает пребывать в прелести, принимая тончайшие эротические переживания за духовные.

После эротической бури (последней влюбленности), давшей пищу Музе поэтической и Музе философской, утомленный Соловьев отправляется в большое путешествие (в Швецию, Шот-

ландию, Францию). В Париже он знакомится с аббатом-социалистом и с большим сочувствием интересуется «христианским социализмом».

В 1893—1894 гг. разгорелась грубая полемика между Соловьевым и Розановым из-за статьи Розанова «Свобода и вера». Соловьев разразился статьей «Порфирий Головлев о свободе и вере», где говорил об елейно-бесстыдном пустословии и зверообразно-дикой сущности веры Головлева—Розанова, о его лживости и скотоподобии и т. п. Розанов отвечал еще грубее, называя Соловьева «танцором из кордебалета, блудницей, бесстыдно потрясающей богословием», и т. п. В 1895 г. они познакомились лично и <...> подружились. Соловьев в одном из своих писем Розанову говорил: «...мы братья по духу...» В эти годы Соловьев проповедовал «религию Св. Духа», свободную от всяких внешних форм, далекую от Церкви и догматов. С 1894 г. Соловьев поселяется в Финляндии.

Спокойная жизнь среди суровой финской природы приносит ему душевное успокоение и бодрость, и он начинает писать большую работу «Оправдание добра». На свое увлечение теократией он смотрит как на длительное заблуждение, отнявшее у него 10 лет жизни. <...>

Глубоко правильно констатируя основные эсхатологические истины православия, Соловьев делает из них ошибочные выводы. Ясная и определенная система христианской философии, которую Соловьев собирается создавать, — давно создана свв. Отцами и Учителями Церкви. Соловьев опять забывает, или не может, или не хочет понять, что решающее значение в деле служения Христу или антихристу имеет не ясность философских доказательств ума, а свободное изволение воли. Правильно, что гонимое меньшинство при антихристе должно проникнуться Духом Христовым, но в чем этот Дух Христов состоит — Соловьев не видит. Правильно, что единство возможно лишь в законном центре, т. е. в истинной единой соборной и апостольской Церкви, которую, по слову Спасителя, не одолеют и врата ада, но неправильно, что этот центр — католическая Церковь, возглавляемая папой. Соловьев сделал для себя лично практический вывод: 18 февраля 1869 г. он «воссоединился с Вселенским христианством», т. е. присоединился к католицизму. Факсимиле акта о присоединении В. Соловьева к католицизму было опубликовано в журнале «Китеж» № 8—12, в Варшаве в 1927 г., [где говорится:] «Мы, подписавшиеся, считаем своим долгом печатно заявить, что мы были свидетелями — очевидцами присоединения Вл. Серг. Соловьева к католической

Церкви, совершенного греко-католическим священником о. Николаем Алексеевичем Толстым, 18 февраля ст. ст. 1896 г. в Москве, в домашней часовне, устроенной в частной квартире о. Толстого, на Остоженке, во Всеволожском пер., в доме Соболева. После исповеди перед о. Толстым, В. С. в нашем присутствии прочел исповедание веры Тридентского собора на церковно-славянском языке, а затем за литургией, совершившейся о. Толстым по греко-восточному обряду (с поминовением св. отца папы) причастился Св. Тайн...

Священник Николай Алексеевич Толстой.
Княжна Ольга Васильевна Долгорукая.
Димитрий Сергеевич Новский».

По другим сведениям (М. д'Эрбиньи) Соловьев читал не тридентское исповедание, а свою формулу (помещенную в «России и Вселенской Церкви»). Д'Эрбиньи добавляет, что Соловьев не читал отречения от православия. Соловьев, отрицавший в то время всякий «церковный догматизм», о канонической правильности, очевидно, не заботился. Но важна не каноническая правильность присоединения, важно духовное настроение Соловьева. Этим актом Соловьев делал себя самовольно единственным членом грядущей Церкви, долженствующей победить антихриста. Сам Соловьев продолжать считать себя православным и, опасно заболев через год после своего «присоединения», пригласил к себе православного священника проф. А. М. Иванцова-Платонова, который после исповеди не допустил Соловьева к принятию Св. Тайн. Священник о. С. Беляев, исповедовавший Соловьева перед смертью, сообщил, что В. С. Соловьев исповедовался с истинным христианским смирением и, между прочим, сказал, что не был на исповеди 3 года, т. к., исповедовавшись в последний раз поспорил с духовником по догматическому вопросу и не был допущен до Св. Причастия.

В 1894 г., желая переиздать свою «Критику отвлеченных начал», Соловьев стал ее перерабатывать, и в результате через 3 года написал новую работу по этике — «Оправдание добра». Если в «Критике отвлеченных начал» он считал автономную этику «отвлеченным морализмом», то теперь он, наоборот, защищает автономную этику. Религий много, а нравственность одна. Поэтому, по Соловьеву, не нравственность должна искать оправдания у религии, а религия должна оправдываться нравственностью. Если прежде Соловьев выводил понятие добра из понятия Бога, то теперь понятие Бога он пытается вывести из понятия добра. Эмпирическими началами своей новой этики

Соловьев, как известно, считал стыд, жалость и благоговение. Плотское начало размножения есть зло, подлежащее упразднению. Желая во что бы то ни стало построить систему автономной этики как науки (задача невозможная), Соловьев приходит к нелепым предположениям о том, что этика не зависит от решения вопроса о свободе воли и от проблемы зла. Кн. Е. Трубецкой правильно охарактеризовал этику Соловьева как этику половой любви. К. Мочульский справедливо ставит ее в непосредственную связь со «Смыслом любви» и раскрывает эротическую основу всего мировоззрения философа. Как и в «Смысле любви», эротизм Соловьева приводит к аскетизму и жизненной задачей человека признает воздержание и целомудрие, т. е. восстановление целостности. Эротический аскет не скрывает своего отвращения к полу. То, что для православной аскетики есть явная прелесть, — для Соловьева достойно высочайшей оценки. В заключении «Оправдания добра» он ставит вопрос — «Откуда зло?». Этого вопроса Соловьев не разрешил. Но он его поставил!

В 1898 г. у Соловьева произошло резкое изменение взгляда на зло. Раньше он «не верил в черта» и зло понимал в духе бл. Августина. Теперь он начинает понимать проблему зла глубже. По свидетельству С. М. Соловьева и Н. Макшеевой, в этот период своей жизни Соловьев имел жуткий мистический опыт: он видел черта.

Последним, несомненно гениальным, произведением Соловьева были «Три разговора», заканчивающиеся «Повестью об Антихристе». По справедливому замечанию К. Мочульского — царство антихриста у Соловьева есть дьявольская пародия на Всемирную теократию. Это — теократия без Христа. «Три разговора» представляют собою борьбу с мировоззрением Льва Толстого, но «Повесть об Антихристе» является завершением борьбы и с самим собой. Однако и в этой «Лебединой песне» Соловьева мы видим, что он остался папистом, проповедником соединения Церквей под верховным водительством папы и убежденным хилиастом (все убитые оживают и воцаряются со Христом на тысячу лет).

Незадолго до своей смерти, в 1900 г. Соловьев знакомится, сначала по переписке, а затем и лично, с Анной Николаевной Шмидт²³. Как известно, А. Н. Шмидт считала себя воплощением Софии, а Соловьева — воплощением Христа и написала мистический трактат о Третьем Завете, понимая Св. Духа как Дочь Божию. Соловьев признал мистический трактат Шмидт «истиной величайшей важности», но после личного знакомства

и чтения «Исповеди» Шмидт, (где она сообщала, что считает Соловьева воплощением Христа) — испугался ее дерзновенности, и некоторые ее откровения сам признал «прелестью».

С православной точки зрения, творчество А. Н. Шмидт — сплошная прелесть. Соловьеву было 47 лет. Он был изможденным стариком. Смерть приблизила его к Богу.

Конец жизни В. С. Соловьева был христианской кончиной. Перед смертью он исповедался и причащался Св. Тайн у православного священника. Отец С. Беляев сообщил, что Соловьев исповедался с истинным христианским смирением! На вопросы священника после исповеди — не припомнит ли Соловьев еще каких-нибудь грехов, последний ответил: «Нет, батюшка, я молился о своих грехах и просил у Бога прощения в них, но нового ничего не припомнил». Кн. С. Н. Трубецкой, присутствовавший при кончине Соловьева, сообщает, что после исповеди он продолжал креститься и молиться, то вслух, то про себя, в сознании и в полузабытье. Раз он сказал: «Мешайте мне засыпать, заставляйте меня молиться за еврейский народ, мне надо за него молиться», и стал читать псалмы по-еврейски. Смерти он не боялся и молил о скорой кончине. 31 июля 1900 г. Соловьев скончался. Последние слова его были: «Трудна работа Господня».

Соловьев родился недоноском, всю жизнь прожил со слабым и хрупким здоровьем и рано одряхлел телесно. Кроме того, он представлял собой врожденно-неполноценную личность с несомненными психопатическими чертами психической дегенерации. На слабых плечах своей телесной и нервно-психической неполноценности он нес тяжкое бремя яркой гениальности. Рано пробудившаяся и, как «жалю в плоть», всю жизнь мучившая Соловьева патологическая эротика, вместе тлетворными влияниями нецерковной неправославной мистики — извратили его религиозный мистический опыт, пленили его в прелесть и увели в бесконечность блужданий в поисках истины — вне Церкви. Изможденный, израненный душевно, в последнюю минуту одиннадцатого часа, приблизился блудный сын к ограде Матери Церкви православной и постучался слабеющей рукой. Церковь-Мать отворила двери... Пусть усталый умирающий путник не мог припомнить всех своих грехов; пусть его тускнеющее сознание мешало ему ясно осознать смысл приближающегося таинства смерти, пусть он продолжал мыслить привычными заботами, отвлекающими от заботы о личном спасении, — но в полузабытье он, едва слышно, назвал Имя Родной Матери — Церкви Православной. И она, все забыв и все простив, приняла

его последний вздох в свое необъятное любящее сердце. Не мифическая София, о которой бредил на протяжении всей своей сомнамбулической жизни Соловьев, а родная Церковь, любящая его материнской любовью, тихо склонилась над умирающим.

И в духовном самоотречении склонился Соловьев перед Св. Чашей Тайн Христовых.

Глубоко веря в бесконечное милосердие Христа, с Его словом к грешникам — приходящего ко Мне не изгону вон (Ин. 6, 37) и молитвенно уповая на прощение Соловьева на последнем суде, мы не можем не чувствовать, тем более, своей религиозно-нравственной ответственности перед почившим. Мы обязаны облегчать бремя его души, утверждая его духовное предсмертное самоотречение путем духовно-осмысленной критики его творчества. Соловьев умер, но творчество его осталось. Его слова продолжают жить и действовать. Если для одних они являются иногда ступенью к Церкви, то для других, многих и многих, они уже стали и еще будут ступенями от Церкви!

Любовь во Христе и Его Истине к почившему, как и к вольно и невольно им соблазненным — именно любовь эта заставляет особенно тщательно разбираться в огромном творческом наследии Соловьева, обособляя плевелы от пшеницы и выжигая их огнем духовно-просветленной критики, во славу Христа и Его Непорочной Невесты — Вселенской Православной Церкви.

